

Ученица-загадка. Новый взгляд

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Моим стихам, написанным так рано...

Владимир Николаевич Дядичев Марина Цветаева. Моим стихам, написанным так рано...

pdf предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27690901

*Владимир Дядичев Марина Цветаева. Моим стихам, написанным так
рано...:*

ISBN 978-5-906995-27-8

Аннотация

Смерть ребенка, изгнание, нищета и в конце концов самоубийство. В жизни Марины Цветаевой, пожалуй, нашлось место всему, кроме счастья. Ее стихи, пронизанные нотами отчаянного трагизма, – зеркало ее судьбы. Известный литературовед, профессор МГУ Владимир Николаевич Дядичев написал уникальную по своей полноте биографию поэтессы. Автор проводит подробный анализ жизни Марины Цветаевой, скрупулезно сопоставляя факты с творчеством. Из этой книги вы узнаете о том, как рождались самые яркие строки русской поэзии.

Содержание

Введение	5
Детство. Отрочество	9
Рождение поэта. «Вечерний альбом».	30
«Волшебный фонарь»	
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Дядичев

Марина Цветаева

Моим стихам,

написанным так рано...

© Дядичев В. Н., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

Введение

В мае 1913 года юная и еще мало кому известная Марина Цветаева создала стихотворение-пророчество:

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти
– Нечитанным стихам! —
Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

(Май 1913. Крым, Коктебель)

Стихотворение в двенадцать строк, но состоящее всего из одной фразы! Высказывание, экспрессивность которого, как в музыкальном опусе, в музыкальной пьесе, непрерывно возрастает и интонационно не прерывается на протяжении всего стихотворения. Наконец, – заключительный аккорд, разрешение темы: непреклонная уверенность в том, что ее стихам «свой черед» непременно настанет.

Марина Ивановна Цветаева (1892–1941) – русская поэтесса Серебряного века, прозаик, переводчица, один из крупнейших поэтов XX века

Ко времени, когда писалось это стихотворение, Цветае-

ва выпустила (в 1910–1912 годы) две первых книжки своих стихов. Стихов, во многом еще по-детски наивных, мечтательных, но очень интимно-искренних, подкупающих неподдельностью чувств. Этим стихи юной поэтессы, еще гимназистки, обратили внимание таких видных поэтов и критиков того времени, как Валерий Брюсов, Николай Гумилев, Максимилиан Волошин, Мариэтта Шагинян. Была выражена надежда, что юная поэтесса может вырасти в настоящего, подлинного русского поэта. А Николай Гумилев в своей рецензии подчеркнул, в частности, что юным автором «инстинктивно угаданы все главные законы поэтики». Но он же заметил, что слово «мама» почти не сходит со страниц ее первой поэтической книги. Видимо, духовно юная Марина Цветаева развивалась явно быстрее, чем ее собственное поэтическое слово, еще почти не выходявшее из детской.

Однако и как поэт Цветаева развивалась стремительно. Стихотворением «Моим стихам, написанным так рано...», другими стихами 1913 года она вполне оправдала ожидания своих первых доброжелательных критиков. Оправдались и предсказания самого автора стихотворения. «Свой черед» ее стихам настал.

Марина Цветаева прожила жизнь не слишком долгую, но полную драматизма. Еще при жизни извела она горечь реализации и другой стороны собственного пророчества-предсказания – возможной не востребоваемости современниками ее творчества, ее «нечитанных стихов», «разбросанных в пы-

ли по магазинам». В 1930-е годы, уже в возрасте за сорок лет, Цветаева в одном из писем заметила об этом стихотворении: «Формула – наперед – всей моей писательской (и человеческой) судьбы».

Были и долгие годы посмертного забвения Цветаевой. Кстати, и само стихотворение «Моим стихам, написанным так рано...», извлеченное из давней рукописи «Юношеских стихов» поэта, превратилось в печатный текст лишь в середине 1950-х годов. Так что судьба и этого стихотворения убедительно воплотила выраженное в нем же предсказание при том, однако, трагическом обстоятельстве, что самого автора, ушедшего из жизни в неполных 49 лет, уже не было в живых.

Но умирают люди, а настоящее искусство не умирает.

В русскую поэзию, в русскую литературу Цветаевой вписана своя выразительная, новаторская, исполненная высокого драматизма страница. Большой русский поэт XX века Марина Цветаева продолжает жить в своих стихах.

Детство. Отрочество (1892–1911)

Да, что знаешь в детстве – знаешь на всю жизнь, но и: чего не знаешь в детстве – не знаешь на всю жизнь.

Марина Цветаева. Мой Пушкин. 1937 г.

Все, что мне суждено было узнать, – узнала до семи лет, а все последующие сорок – осознавала.

Марина Цветаева. Январь 1940 г.

Марина Ивановна Цветаева родилась 26 сентября (8 октября по новому стилю) 1892 года в Москве в семье искусствоведа, профессора Московского университета Ивана Владимировича и его жены Марии Александровны, урожденной Мейн. Родилась и двадцать лет Цветаева прожила в небольшом уютном родительском доме в Трехпрудном переулке.

Тихий Трехпрудный переулок – почти в самом центре Москвы, недалеко от Пушкинской (бывшей Страстной) площади, Тверской улицы и Тверского бульвара, Большой и Малой Бронных улиц. К концу XIX – началу XX века этот уголок Москвы во многом еще сохранил вид традиционного русского «посада», «слободы», городского поселения с однодвухэтажными, часто еще деревянными (как и цветаевский) домами, палисадами, зелеными двориками. Улицы и пере-

улки здесь прихотливо изгибались, упирались в приходские церквушки; на более широких площадях высились соборы. Спугнутые колокольным звоном, с крестов взлетали сотни грачей и галок.

Родилась Марина в ночь с субботы на воскресенье, на Иоанна Богослова.

В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом – пряник, а вокруг плетень
И церковки златоголовые.

*(«Семь холмов – как семь колоколов...», 8 июля 1916 г.,
Казанская).*

Натура поэтическая и романтическая, Цветаева охотно верила различным приметам, «указующим», предопределяющим символам, «знакам судьбы». Осень, листопад, суббота, полночь, Иоанн Богослов – эти знаки своего рождения она, очевидно, легко восприняла как отчетливый перст судьбы.

И еще примета русской осени – красные грозди созревшей рябины на обнажающихся в пору листопада ветвях.

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.
Мне и доньше
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

(«Красною кистью...», 16 августа 1916 г.).

Ярко-красная, жаркая, как бы горящая, пылающая во время перехода от осени к зиме, горькая рябина прочно вошла в образный арсенал поэзии Цветаевой. Она стала у поэта символом рока, судьбы, тоже какой-то переходной и горькой, плававшей жаром творчества и постоянно угрожавшей холодом отторжения, неприятия, забвения.

Память о доме в Трехпрудном была очень дорога Марине Цветаевой. При довольно продолжительных отъездах в детстве – с матерью, отличавшейся слабым здоровьем, и с отцом (Италия, Швейцария, Германия, Крым; летом неизменно – недалеко от Москвы тихая Таруса) – дом в Трехпрудном, вплоть до замужества в 1912 году, оставался местом ее постоянного обитания, надежным пристанищем, куда она всегда с радостью возвращалась. Она любила этот дом, словно родное существо. Любила за то, что он в годы ее детства и юности был в полном смысле слова родным, родовым гнездом, безопасно и надежно отгороженным и спрятанным в за-

щитной листе тихого переулка от огромного наступающего каменного города.

Отец Марины, Иван Владимирович Цветаев (1847–1913), был директором Румянцевского музея (дома Пашкова, ныне входит в комплекс Российской государственной библиотеки) и основателем Музея изящных искусств имени Александра III (ныне – Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина). На стене Музея изобразительных искусств установлена мемориальная доска с именем его основателя И. В. Цветаева. Открытие этого музея в 1912 году стало достойным завершением его творческой жизни.

Родители Марины и Анастасии Цветаевых: Иван Влади-

мирович Цветаев (1847–1913) – российский ученый-историк, филолог, искусствовед, профессор Московского Университета (с 1877 г.), тайный советник, создатель и первый директор Музея изящных искусств имени императора Александра III (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина); Мария Александровна Цветаева (урожденная Мейн; 1868–1906) – происходит из обрусевшей польско-немецкой семьи, пианистка, ученица Николая Рубинштейна

Иван Владимирович был сыном Владимира Васильевича Цветаева (1820–1884), сельского священника села Талицы близ городов Шуи и Иваново-Вознесенска Владимирской губернии. По своему быту это сельское священство мало чем отличалось от русского трудового крестьянства. Все четверо сыновей В. В. Цветаева по семейной традиции были отданы в Шуйское духовное училище, затем учились во Владимирской семинарии. Старший, Петр, пошел по стопам отца, служил священником в Суздальском уезде, а после смерти родителя получил его Талицкий приход. Трое младших сыновей Владимира Васильевича неустанным трудом пробили себе дорогу, смогли получить высшее образование. Средний из них, Федор (1849–1901), как и Иван Владимирович, окончил Санкт-Петербургский университет, преподавал русскую словесность в средних учебных заведениях Шуи и Орла, затем, с 1883 года, – в московских гимназиях, а с 1887 года стал инспектором (т. е. директором) Второй московской

женской гимназии. Младший из братьев, дядя Марины Ивановны Дмитрий Владимирович (1852–1920), специализировавшийся по русской истории, стал педагогом, известным ученым-историком, профессором Варшавского университета, где преподавал около двадцати лет; в 1911 году он был назначен управляющим Московским Архивом Министерства Юстиции (ныне – Российский государственный архив древних актов).

Иван Владимирович, отец Марины Цветаевой, в 1877 году защитил докторскую диссертацию – о древне-италийских письменных памятниках. С 1879 года он профессор Московского университета по кафедре римской (латинской) словесности; в 1888 году Иван Владимирович был приглашен профессором и заведующим кафедрой истории изящных искусств Московского университета. В Италии же И. В. Цветаев был избран Почетным доктором Болонского университета. Все Цветаевы (и старшие, и младшие) были очень дружны, переписывались, всегда помогали друг другу. Марина Цветаева, кстати, свое трудолюбие, проявленную ею в годы революции и эмиграции «двуязыльность» напрямую объясняла отцовским происхождением от той земли, где когда-то родился былинный Илья Муромец.

Иван Владимирович был женат на Марии Александровне Мейн (1868–1906), матери Марины, вторым браком. Его первая жена, Варвара Дмитриевна, урожденная Иловайская (1858–1890), была дочерью известного русского историка

Д. И. Иловайского (1832–1920), автора пятитомной «Истории России» (М., 1876–1905) и широко распространенных в те годы учебников по русской и всеобщей истории для гимназий и других средних учебных заведений. Иловайскому и принадлежал дом в Трехпрудном переулке. Когда его дочь Варвара в 1880 году вышла замуж за И. В. Цветаева, отец дал ей этот дом в приданое. От первого брака у Цветаевых родились дочь Валерия (1883–1966) и сын Андрей (1890–1933). Вскоре после рождения сына Варвара Дмитриевна, страдавшая туберкулезом, умерла. А 44-летний Иван Владимирович, чтобы дать мать своим крошечным осиротевшим детям, в 1891 году женился вторично – на 22-летней Марии Александровне, культурной и образованной дочери своего старшего сотоварища по музейным делам.

От этого, второго брака у Ивана Владимировича родились еще две дочери: Марина, старшая, будущий поэт, и младшая – Анастасия (по-домашнему – Ася), появившаяся на свет 14 (26) сентября 1894 года. Сестры были в чем-то очень похожи, воспитывались и большую часть детства и юношества провели вместе. Анастасия Цветаева (1894–1993), ставшая впоследствии искусствоведом и писательницей, оставила написанные в 1960-е – 1980-е годы «Воспоминания», содержащие много ценных сведений о детских и юношеских годах сестер Цветаевых.

Надо сказать и еще об одной ветви рода Цветаевых. У деда Марины, Владимира Васильевича, был брат, тоже священ-

ник, Александр Васильевич Цветаев. Его дочь Елена Александровна была замужем за земским врачом Иваном Зиновьевичем Добротворским (также сыном священника), служившим в городе Тарусе Калужской губернии. Семья Добротворских была связана с семьей Ивана Владимировича Цветаева очень теплыми отношениями. По просьбе И. В. Цветаева Добротворские сняли в Тарусе для его семьи дачу. И Таруса на долгие годы стала для всех Цветаевых вторым домом, постоянным местом летнего пребывания, любимейшим уголком русской природы. Тарусским местам и их обитателям Марина Цветаева посвятила один из своих мемуарных очерков 1930-х годов – «Хлыстовки (Кирилловны)». И завершила она его такими словами: «Я бы хотела лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины... где растет самая красная и крупная в наших местах земляника. Но если это несбыточно, если не только мне там не лежать, но и кладбища того уж нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов... поставили, с тарусской каменоломни, камень:

Здесь хотела бы лежать

МАРИНА ЦВЕТАЕВА».

На тарусском кладбище упокоилась старшая сестра Марины – Валерия Ивановна. Установлен ныне в Тарусе и памятник

ный камень с надписью-пожеланием Марины Цветаевой...

Домашний мир и быт семьи Цветаевых был пронизан постоянным интересом к искусству, литературе, истории. В доме на шкафах, на книжных полках, на подставках стояли бюсты античных богов и героев, с годами сделавшихся как бы членами семьи – так все они были знакомы и привычны. Ахилл и Геракл, Орфей и Эвридика, Венера и Психея – это были не просто имена, они воспринимались Мариной почти как реальные люди, ожившие сначала в детском сознании, а затем, так или иначе, в ее поэзии. Можно, пожалуй, сказать, что Марина Цветаева была последним в России крупным поэтом (в XX веке!), для которого античная мифология являлась привычной и необходимой духовной атмосферой. Свою дочь, родившуюся в 1912 году, она назвала Ариадной. Увлечшись в конце 1910-х годов театром, Цветаева «на одном дыхании» написала ряд романтических пьес в стихах, среди них – «Фортуна», «Феникс». В 1923 году в Берлине Марина Цветаева выпустила поэтический сборник под названием «Психея. Романтика»; чуть позже под ее пером рождались драматические поэмы «Ариадна», «Тезей», «Федра»...

Другая сторона быта родительского дома – мир книг, литературы, стихов. Сначала это материнское чтение вслух; чуть позже, но не по возрасту рано – самостоятельное чтение. «Книги мне дали больше, чем люди. Я мысленно все пережила, все взяла. Мое воображение всегда бежит вперед», –

писала Цветаева М. Волошину 18 апреля 1911 года. В детстве и юности Марина пережила страстные увлечения книгами К. Бальмонта и В. Брюсова, Эдмона Ростана и Марии Башкирцевой, Гейне и Гете, немецких и французских романтиков, книгами о Наполеоне и его сыне – герцоге Рейхштадтском, «Орленке» (многое читалось на языке оригинала)... С этими событиями ее внутренней духовной жизни по чистоте и интенсивности горения не могли сравниться никакие события жизни внешней. Тогда и выросло убеждение в приоритете внутренней жизни над любой реальностью, не поколебленное, не опровергнутое всеми последующими годами «опыта и размышлений».

Образы, реминисценции, скрытые и явные цитаты, сюжеты античности, Библии, русских былин, эпоса других народов – постоянные составляющие всего творчества Цветаевой.

Несомненно, что столь свойственное Марине Цветаевой ощущение трагичности бытия, которое она определяла словом «рок», удивительно сочетавшееся с каким-то возвышенным романтизмом в оценке людей и событий, шло у нее именно оттуда, из детства, наполненного воздухом античной мифологии, искусства, книжности. Но впитанная с детства античность и книжность, «святилище, где сон и фимиам», отнюдь не были для Цветаевой способом отгородиться от жизни. Это был способ существования, дыхания, жизни в поэзии, в искусстве, способ превращения быта в бытие.

Училась Марина довольно много, но, в силу особенностей своего характера и семейных обстоятельств, весьма бессистемно. В автобиографической справке, составленной в 1940 году в Голицыне под Москвой для предполагавшейся статьи в Литературной энциклопедии, Цветаева писала об этом: «Первая школа – музыкальная школа Зограф-Плаксиной в Мерзляковском переулке, куда поступаю самой младшей ученицей, неполных шести лет. Следующая – IV гимназия, куда поступаю в подготовительный класс. Осенью 1902 г. уезжаю с больной матерью на Итальянскую Ривьеру, в городок Nervi, близь Генуи... Весной 1903 г. поступаю во французский интернат в Лозанне, где остаюсь полтора года. Пишу французские стихи. Летом 1904 г. еду с матерью в Германию, в Шварцвальд, где осенью поступаю в интернат во Фрейбурге. Пишу немецкие стихи... Летом 1906 г. возвращаюсь с матерью в Россию... Осенью 1906 г. поступаю в интернат московской гимназии Фон-Дервиз... После интерната Фон-Дервиз – интернат Алферовской гимназии, после которого – VI и VII класс в гимназии Брюхоненко...» Можно немного уточнить и дополнить этот «образовательный» список. «Возвращение в Россию» из европейских школьных интернатов (с матерью и сестрой) состоялось в 1905 году через Крым, где Мария Александровна продолжила лечение в санатории, а Марина закончила очередной учебный 1906 год в Ялтинской женской гимназии. Из 8-го класса гимназии (в 1911 году, в Москве) Цветаева вышла; этот дополни-

тельный, «учительский» класс, дававший окончившим его девушкам право на педагогическую деятельность, считался необязательным. В шестнадцать лет Марина, совершив самостоятельную поездку в Париж, слушала в Сорбонне лекции по старофранцузской литературе.

Фотография Марины Цветаевой в детстве. Около 1893 г.

*Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.*

(Марина Цветаева)

Мать Марины, Мария Александровна, сочетала в себе

немецкую (по отцу) и польскую (по матери) кровь. Такая «взрывчатая смесь» родов и наций, видимо, как-то сказалась на известной непредсказуемости и независимости характера Марины Цветаевой. Мария Александровна, натура художественно одаренная, была талантливой пианисткой профессионального уровня, об игре которой весьма одобрительно отозвался Антон Рубинштейн («Когда Рубинштейн пожал ей руку, она два дня не снимала перчатки... Упоение музыкой, *громадный талант* (такой игры на рояле и на гитаре я уже не услышу!), способность к языкам, блестящая память, великолеплный слог, стихи на русском и немецком языках, занятия живописью... безумие в музыке, тоска...» – так вспоминала Марина свою мать в письме В. В. Розанову от 8 апреля 1914 года). Однако Мария Александровна отказалась от профессиональной карьеры и после замужества всецело посвятила себя воспитанию детей и помощи делу мужа, связанному с организацией Музея изящных искусств. Ее отец, дед Цветаевой по матери, Александр Данилович Мейн (1837–1899), из прибалтийских немцев, воспитанник кадетского корпуса, проходил службу в гренадерском полку, с 1882 года стал управляющим канцелярией московского генерал-губернатора; был знаком и бывал дома у Льва Толстого, состоял членом-учредителем Комитета по устройству Музея изящных искусств, подарил этому музею собственную коллекцию слепков античной скульптуры. Позднее, вспоминая свою мать, ее строгость в воспитании детей, Марина Цвета-

ева отмечала: «...деспотизм – да, только – просвещенный, по прямой линии от деда А. Д. Мейна, которого моя мать до его и своего последнего вздоха – боготворила» (из письма М. Цветаевой к В. Н. Муромцевой-Буниной от 24 октября 1933 г.).

От матери Марина Ивановна восприняла музыкальность как особый дар познавать, воспринимать мир через звук. Прежде чем зрительно представить предмет, событие, явление, она как бы воспринимала, ощущала их звуковую ауру – дрожание и мерцание воздуха, обтекавшего окружающий мир. Сама Цветаева говорила об этом: «...во мне нового ничего, кроме моей поэтической (*dichterische*) отзывчивости на новое звучание воздуха». «Мать – залила нас музыкой. (Из этой Музыки, обернувшейся Лирикой, мы уже никогда не выплыли – на свет дня!). Мать затопила нас, как наводнение», – писала Цветаева в очерке «Мать и музыка» (1934). И там же: «Мать поила нас из вскрытой жилы Лирики, как и мы потом, беспощадно вскрыв свою, пытались поить своих детей кровью собственной тоски... После такой матери мне оставалось только одно – стать поэтом».

Мария Александровна скончалась рано – 5 июля 1906 года, едва успев вместе с дочерьми, Мариной и Асей, вернуться из Крыма в столь любимую ее детьми Тарусу. Марине еще не исполнилось четырнадцати лет. Но, по ее словам, мать успела оказать на нее «главенствующее влияние»: «Музыка, природа, стихи, Германия... Одна против всех.

Heroica» (Ответ на анкету. 1926 год). А в уже упоминавшейся автобиографической справке (1940) Марина Цветаева отмечала: «Мать – Мария Александровна Мейн – страстная музыкантша, страстно любит стихи и сама их пишет. Страсть к стихам – от матери, страсть к работе и к природе – от обоих родителей. Первые языки: немецкий и русский, к семи годам – французский. Материнское чтение вслух и музыка... Любимое занятие с четырех лет – чтение, с пяти лет – писание... Мать – сама лирическая стихия. Я у своей матери старшая дочь, но любимая – не я. Мною она гордится, вторую – любит. Ранняя обида на недостаточность любви...» В своей старшей дочери мать определенно видела пианистку, возможное воплощение собственных несбывшихся мечтаний; много с ней занималась. И Марина, казалось, оправдывала ожидания матери. «Слух моему мать радовалась и невольно за него хвалила, тут же, после каждого сорвавшегося «молодец!», холодно прибавляла: «Впрочем, ты не при чем. Слух – от Бога». Так это у меня навсегда и осталось, что я – не при чем, что слух – от Бога. Это меня охранило и от самомнения, и от само-сомнения, от всякого, в искусстве, самолюбия, – раз слух от Бога. «Твое – только старание...»», – писала Цветаева в очерке «Мать и музыка».

Но после смерти матери Марина свои занятия игрой на фортепиано, по ее словам, «постепенно свела на нет». Властно, всю без остатка, позвала к себе поэзия. Музыкальность же, передавшаяся от матери, ярко отразилась в цветаевском

стихе, в самих приемах стиховой версификации. Музыка, ушедшая в поэзию и прозу («прозу поэта»), во многом определила неповторимый, притягательный и завораживающий, как сама музыка, стиль творчества Цветаевой. По мысли Цветаевой, поэзия и музыка одинаково восходят к лирике.

Здесь необходимо отметить еще один очень важный момент, вынесенный Мариной из детства во взрослую жизнь и мощно сказавшийся на формировании ее как поэта, писателя. Это (воспринятое как от матери, так и от отца) раннее, *очень* раннее (!), еще «дописьменное», на слух, знакомство, восприятие, узнавание и знание, наряду с русским, иностранных языков, в первую очередь – немецкого и французского. Знакомство и освоение, шедшее из быта семьи еще в период почти младенчества, в возрасте «почемучки», в возрасте «от двух до пяти» (выражение К. Чуковского), в возрасте, когда ребенок активно «познает мир», когда он сам является активным творцом, языкотворцем, создателем языка общения. Из детства (при хорошем музыкальном слухе!) вынесено и сохранено обостренное восприятие звучания слов, особенностей интонаций каждого языка, особенностей их произнесения, их соотношения с обозначаемым предметом и между собой, чувство «аромата», «вкуса», музыки слов каждого языка. Отсюда – обостренное ощущение смысла слов, отдельных букв и звуков, их соединений, созвучий, «внутренней формы» слов, их многосмысленности, многооттеночности, их созвучности или диссонанса... В

прозе, в письмах Цветаева для пояснения, уточнения своей мысли нередко использует иностранные слова. В стихах широко используются ряды слов-синонимов, слов-омонимов, слов-уточнений... («Нас рас – ставили, рас – садили... Не рассóрили – рассорíли, Расслоили... Стена да ров. Расселили нас как орлов...», 1925.). Поиски Цветаевой в этой области в чем-то роднили ее с поисками русских футуристов. Эта игра созвучий и смыслов, мысли и интонации – неповторимая грань индивидуального цветаевского стиля (идиостиля), очень притягательного и очень узнаваемого. Между тем музыка, звук, звучание слова в ее поэтическом сознании были лишь источником, прародителем поэтического образа. Ей прежде всего был важен смысл, речь. Стих зрелой Цветаевой, Цветаевой-мастера, часто – порывист, резок. Повинуясь собственной, звучащей в ней интонации, она смело рвет строки на отдельные слова или даже слоги. Но и слоги нередко переносит из одной строки в другую, даже как бы отбрасывает, подобно пианисту, изнемогающему в буре музыкальных образов и звуков... Естественно, что звучание, музыка стиха, столь властно подчиненные смыслу, преобразались, превращаясь в резко индивидуальную манеру, в «музыку» поэта-композитора Цветаевой. Отсюда же в ее стихах (да и в прозе) – использование «по максимуму» всех возможностей синтаксиса, знаков препинания, тире и дефисов, двоеточий, восклицательных и вопросительных знаков, отточий, скобок, ударений и т. п. Сама Цветаева в очерке

«Мать и музыка» отмечала: «Когда я потом, вынужденная необходимостью своей ритмики, стала разбивать, разрывать слова на слога путем непривычного в стихах тире, и все меня за это, годами, ругали, а редкие – хвалили (и те и другие за «современность»), и я ничего не умела сказать, кроме: «так нужно», я вдруг однажды глазами увидела те, младенчества своего, романсные тексты <имеются в виду нотные тетради ее сестры Валерии – В. Д.> в сплошных законных тире – и почувствовала себя омытой: всей музыкой «современности»: омытой, поддержанной, подтвержденной и узаконенной – как ребенок по тайному знаку рода оказавшийся – родным, в праве на жизнь, наконец! Но, может быть, прав и Бальмонт, укоризненно-восхищенно говоря мне: «Ты требуешь от стихов того, что может дать – только музыка!»...». Андрей Белый свой восторженный критический отклик на поэтический сборник Цветаевой «Разлука» (1922) так и назвал: «Поэтесса-певица».

Марина Цветаева за роялем. 1906 г.

«Из двух начал, которым было подвлиянно ее детство – изобразительные искусства (сфера отца) и музыка (сфера матери), – восприняла музыку. Форма и колорит – достоверно осязаемое и достоверно зримое – остались ей чужды. Увлечься могла только сюжетом изображенного – так дети «смотрят картинки», – поэтому, скажем, книжная графика и, в частности, гравюра (любила Дюрера, Доре) была ближе ее духу, нежели живопись»

(Ариадна Эфрон «Страницы воспоминаний»)

А Владислав Ходасевич, будучи сам ярким приверженцем классического поэтического стиля, в 1925 году в рецензии на

поэму-сказку М. Цветаевой «Молодец» отмечал, что она пишет сказку языком лирической песни, в самой природе которой заложена игра звуком и словом, «слышны отголоски заговора, заклинаний – веры в магическую силу слова; она всегда отчасти истерична – близка к переходу в плач или в смех; она отчасти заумна». И далее – о лексическом богатстве Цветаевой: «Разнообразиие, порой редкостность ее словаря таковы, что при забвении русского языка, которое ныне обще и эмиграции, и советской России, можно, пожалуй, опасаться, как бы иные места в ее сказке не оказались для некоторых непонятными и там, и здесь» («Последние новости». Париж, 1925, 11 июня).

Эта впитанная с детства и сохраненная «жадность» к глубинам смыслов языка позволили Марине Цветаевой в нужный момент, в годы Первой мировой войны и революции «легко» (т. е. без внутреннего сопротивления собственной природы, естественно и органично) воспринять и, когда потребовалось, ввести в свои произведения особенности языка русских былин, русского простонародья, цыган...

В 1920-е – 1930-е годы, живя за границей, в Германии, Чехословакии, Франции, Цветаева в стихах, в прозаических произведениях, в письмах постоянно мысленно возвращалась в Москву, к дому в Трехпрудном переулке, к тем, кто жил в этом доме, кто был с ним связан. За границей Цветаева обратилась к мемуарной прозе. Появились очерки «Рожд-

дение музея», «Лавровый венок», «Отец и его музей», эссе «Дом у Старого Пимена» (о своем сводном деде Д. И. Иловайском, жившем в Старопименовском переулке), «Мать и музыка», «Сказка матери», «Черт», «Мой Пушкин», «Живое о живом» (о М. Волошине), «Пленный дух» (об Андрее Белом) и другие. Она подчеркивала: «Все они умерли, и я должна сказать... Я хочу воскресить весь тот мир – чтобы все они не даром жили – и чтобы я не даром жила!» Цветаевой действительно было дано стать летописцем своей эпохи, своего поколения.

И во всех созданных ею вещах выявлялось важное, драгоценное качество Марины Цветаевой как поэта, писателя, творца – тождество между жизнью, личностью и словом, творчеством.

Рождение поэта. «Вечерний альбом». «Волшебный фонарь» (1908–1913)

Единство, тождество личности и слова, жизни и творчества – драгоценнейшее качество, которое нельзя подделать, нельзя симитировать (позднее Марина Цветаева сама даст формулу истинного поэта: «Равенство дара души и глагола – вот поэт... Неделимость сути и формы – вот поэт», – «Поэт о критике», 1926 г.). Это качество ясно проявилось уже у ранней Цветаевой в ее первых книгах – **«Вечерний альбом»** (1910) и **«Волшебный фонарь»** (1912). Первые поэтические сборники Марины Цветаевой интересны как книги-предвестия будущего большого Поэта. Здесь Цветаева вся – как в завязи: со своей предельной искренностью, открытостью, с ясно выраженным собственным Я, не подлаживающимся под обстоятельства или чьи-либо мнения.

Обе книги были сборниками еще почти полудетских стихов, очень непосредственных и чистых. В них Цветаева просто и неискусшенно обрисовывала события гимназической жизни, жизни в интернатах Швейцарии и Германии, жизни героев детских книг, семейный уклад и быт родительского дома в Трехпрудном переулке.

Между тем, кроме цветаевского дома, существовал сам

Трехпрудный переулок. И этот тихий переулок постоянно, все время менялся; большой город, Москва, наступал, вступал в свои права и в этом своем уголке. Рядом с домом Цветаевых на месте маленькой лавочки «колониальных товаров» Бухтеева вырос большой шестиэтажный дом. В 1901–1903 годах на противоположной стороне Трехпрудного, наискосок от дома Цветаевых, во владении № 7–9, по проекту архитектора Ф. О. Шехтеля воздвиглось здание типографии А. А. Левенсона. «Наперекосок от бывших нас...», – напишет позднее Марина Цветаева. Когда младшие Цветаевы, Марина и Ася, в 1906 году после четырехлетнего пребывания за границей и смерти матери, Марии Александровны, в Тарусе вернулись домой в Трехпрудный, здание типографии уже стояло. И ежедневно, идя в гимназию, возвращаясь домой, просто из окна своего дома Марина видела, как появляются на свет книги. «Товарищество Скоропечатни А. А. Левенсонъ» печатало именно книги, здесь же был книжный склад. Возможно, это ежедневное созерцание нового городского «пейзажа» как-то подтолкнуло Цветаеву в октябре 1910 года издать и свою книгу. Сразу – книгу, смело и решительно, не сделав ни единой попытки (обычный путь начинающего поэта!) предложить какие-либо свои стихи в журнал, газету, альманах...

«Первая моя книга «Вечерний альбом» вышла, когда мне было 17 лет, – стихи 15-ти, 16-ти и 17-ти лет... Книгу издать в то время было просто: собрать стихи, снести в типо-

графию, выбрать внешность, заплатить по счету, – все. Так я и сделала, никому не сказав, гимназисткой VII кл. По окончании печатания свезла все 500 книжек на склад... и успокоилась», – писала Цветаева в очерке 1925 года, посвященном памяти В. Брюсова, одного из рецензентов ее первого сборника. Отнесла же она свои «собранные стихи» не «наперекосок» к Левенсону, а в типографию А. И. Мамонтова в Леонтьевском переулке, 5, на всякий случай – подальше от глаз отца и родных из Трехпрудного...

Можно представить, как создавались Мариной эти ее первые, ранние стихи – вечерами, за широким письменным столом (подарок отца!), в светлом круге керосиновой лампы, в вечерней тишине дома, в ожидании неизбежного: «Уж поздно!» – «Мама, десять строк!» (стихотворение «Книги в красном переплете»). Стихи записывались в тетрадку, в альбом – в традициях русских девушек XIX века. Кстати, распространенным писчебумажным товаром в 1880-е – 1920-е годы были тетради, блокноты – разного объема, формата, оформления, но с неизменным тисненым названием на обложке: «Альбом для стихов». Отсюда, по-видимому, и название первой книги – «Вечерний альбом», для того времени даже несколько вызывающее, «провокационное».

По сути, это был дневник одаренного и наблюдательно-го ребенка. Эта «дневниковость» «Вечернего альбома» была даже подчеркнута самим автором, посвятившим сборник «блестящей памяти Марии Башкирцевой». Башкирце-

ва – русская художница, с десяти лет жившая во Франции, в 24 года, в 1884 году, ушедшая из жизни от чахотки. Она оставила после себя интересно и очень откровенно написанный «Дневник» (издан во Франции в 1887 году, в России – в 1893); «Дневник» Марии Башкирцевой, поразивший современников своей необычайной обнаженностью душевных устремлений и самооценок автора, выдержавший много изданий, пользовался большим успехом у читателей тех лет.

В отличие от многих своих сверстниц, тоже писавших стихи и дневники, юная Цветаева в своем альбоме-дневнике практически ничего не выдумывала и никому не подражала. Впрочем, в каком-то смысле, – «подражала». Своей независимостью, откровенностью. О своих первых книгах Марина Цветаева могла бы сказать словами, которыми предваряется «Дневник» Башкирцевой: перед вами – «жизнь женщины, записанная изо дня в день, без всякой рисовки, как будто бы никто в мире не должен был читать написанного, и в то же время со страстным желанием, чтобы оно было прочитано». Но это «подражание» шло уже от природы автора. Быть самой собой, ни у кого ничего не заимствовать, не подвергаться влияниям – такой Цветаева вышла из детства и такой оставалась всегда.

Мария Константиновна Башкирцева (1858–1884) – русская художница, автор дневника, оказавшего влияние на

творчество Марины Цветаевой

В «Вечерний альбом» Марина Цветаева включила сто одиннадцать стихотворений 1907–1910 годов. Три раздела сборника – три этапа развития души автора, три составляющих ее лирического «я»: «Детство», «Любовь», «Только тени». Интересно, что уже здесь, в первой своей книжке, Цветаева располагает стихотворения не по принципу простой хронологии, а выбирает форму тематических циклов, создав своеобразный лирический триптих.

Название третьего раздела – «Только тени» – скрытая цитата из «Дневника» Башкирцевой (писавшей об умиравшем на ее глазах художнике: «Он уходит от нас... Он парит уже где-то выше нас. Бывают дни, когда и я чувствую себя так... Я тоже наполовину только тень»). Перед каждым разделом – эпиграфы: из Ростана, Библии, Наполеона... Таковы столпы первого возведенного Мариной Цветаевой здания поэзии. В названиях и образах стихотворений множество слов с «детскими», уменьшительными суффиксами: «Мирок», «Эльфочка», «Маленький паж», «У кровати», «русалочки», «глазки», «губки», «зубки», «башмачки», «веточки», «ангелочки»... Перед нами – мир впечатлений, снов, воспоминаний детства, мир книг, мир «сказки о царе Салтане», мир, где – «золотые имена: Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий», «Ромео и Джульетта». В стихах – романтическое общение с дорогими «теньями»: с вымышленной Ниной Джаваха, героиней романа Лидии Чарской («Па-

мяти Нины Джаваха»), с литературной и музыкальной Маргаритой («Даме с камелиями»), с историческим и литературным «Орленком», несчастным герцогом Рейхштадтским, сыном Наполеона («В Шенбрунне»), с реальной Сарой Бернар, французской актрисой, исполнявшей роль Орленка в одноименной пьесе Эдмона Ростана... В стихах «Вечернего альбома» («Детская», «Столовая», «В зале», «Наша зала», «По тебе тоскует наша зала»...) отпечатались многие события непростой детской жизни, протекавшие в стенах дома в Трехпрудном. Присутствует в сборнике неизбежный в творчестве юного лирика мотив любви, размышления о любви и смерти.

Но в ряде стихов уже угадывается, сказывается недетская сила, предвещающая будущего настоящего Поэта.

Открывается «Вечерний альбом» стихотворением «**Встреча**», помещенным отдельно, еще перед первым разделом сборника. В стихотворении, написанном в форме сонета, возникает промелькнувший в окне вагона образ умершей девушки. В ней автор узнает ту, с которой не раз встречалась «в долинах сна» (очевидно, речь идет о Марии Башкирцевой):

Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей – и в небе счастья нет?..

Здесь воссоздается оппозиция реального мира живых и

мира ушедших в небытие, мира мертвых – тема, доминантная в сборнике.

Некоторые стихотворения посвящены детям, преждевременно ушедшим из жизни («Жертвам школьных сумерек», «Сереже», «У гробика», «Эпитафия...»); видения из прошлого возникают в стихах-воспоминаниях третьего раздела – «Только тени». Конечно, несколько странно звучит – воспоминания (!) применительно к поэту, которому самому едва исполнилось пятнадцать лет. Но ранний уход матери из жизни не только оставил отрочество в прошлом, но и во многом предопределил драматизм всей жизни Цветаевой. В стихотворении, так и названном – «В пятнадцать лет», вошедшем во вторую книгу, «Волшебный фонарь» (1912), она констатировала: «Так с милым детством я прощалась, плача, / В пятнадцать лет».

Видимо, само раннее «профессиональное» стихотворчество Марины Цветаевой было попыткой как-то воскресить, вернуть из небытия близкого человека. Смерть матери стала неким «спусковым механизмом» для обращения Марины к стихотворчеству и постепенного «сведения на нет» занятий музыкой. В каком-то смысле художественный мир Цветаевой периода «Вечернего альбома» весь держится на образе матери, на памяти о ней. Само название сборника – «Вечерний...» – отсылает к домашним вечерам с матерью, с ее рассказами, с чтением вслух книг детям, с музыкой, с тихими «вечерними» детскими играми. И многие стихотворения

«Вечернего альбома» обращены к образу умершей матери: «В Ouchy», «Мама в саду», «Мама на лугу», «Мама за книгой»...

Ее памяти посвящено и стихотворение «**Маме**» (1907). Автору важно подчеркнуть глубокое, на всю жизнь, духовное воздействие матери, введшей своих дочерей в мир прекрасного, в мир музыки, литературы: «Все, чем в лучший вечер мы богаты, / Нам тобою вложено в сердца». Мама «вела своих малюток мимо / Горькой жизни помыслов и дел». Но эти мысли об ушедшей не остаются только элегическими воспоминаниями. Здесь обнажается драматизм художественного мира Цветаевой, еще только формирующегося, но уже отчетливо заявленного. В нем сосуществуют, противостоя друг другу, два мира – мир возвышенный, романтический, идеальный, связанный со светлым образом матери, – и мир реальный, мир «живых», которые по своей сути «чужды» автору:

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы слышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Однако жизнь, в которой есть и трагедия смерти, неизбежно берет свое: «Все бледней лазурный остров – детство, / Мы одни на палубе стоим». Тоска, воспоминания о матери перерастают в осмысление самой себя: «Видно, грусть оста-

вила в наследство / Ты, о мама, девочкам своим!»

Стихотворение «Маме» написано от лица «**мы**» – лирического героя, за которым стоят обе дочери Марии Александровны, Марина и Ася. От имени этого собирательного лирического субъекта, «**мы**», написаны и многие другие стихотворения «Вечернего альбома». Героями некоторых стихотворений – зарисовок эпизодов детства – выступают девочки-сестры, названные по имени: «Муся (домашнее имя Марины) и Ася». И это даже не разные девочки, это две девочки, как бы совмещенные в одну «**мы**», почти полные физические и духовные близнецы. Эта «близнецовость», неотделенность поэта Марины-Муси от спутницы-сестры Аси психологически может быть объяснена попыткой как-то компенсировать одиночество, сиротство юного поэта, еще ребенка, рано потерявшего мать, попыткой обрести опору в ком-то близком, родном, пусть даже младшем по возрасту. Впрочем, в детстве-отрочестве есть период, когда в играх, разговорах, совместных мечтаниях и фантазиях разница в один-два года почти не ощущается. Анастасия Цветаева в своих «Воспоминаниях» справедливо назвала себя «полублизнецом» Марины. Такого «**мы**», такой опоры, такого родного «тыла» Марине Цветаевой будет потом часто не хватать в жизни...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.